

ЗНАЧЕНИЕ ЭПИЛОГА РОМАНА” ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ”

Подготовили:

Иван Канунников

Михаил Дроздов

КРАТКИЙ СЮЖЕТ И СУДЬБА ГЕРОЕВ РОМАНА

- В этой части проекта опишем ,что случилось с главными героями романа “Преступление и наказание” ,после того как Родион сдался с повинной детективу и был отправлен в ссылку.

РАЗУМИХИН И ДУНЯ

- “Дуня поклялась брату, что эта разлука не навеки; Разумихин тоже. В молодой и горячей голове Разумихина твердо укрепился проект положить в будущие три-четыре года, по возможности, хоть начало будущего состояния, скопить хоть немного денег и переехать в Сибирь, где почва богата во всех отношениях, а работников, людей и капиталов мало; там поселиться в том самом городе, где будет Родя, и... всем вместе начать новую жизнь.”
- “Два месяца спустя Дунечка вышла замуж за Разумихина. Свадьба была грустная и тихая. Из приглашенных был, впрочем, Порфирий Петрович и Зосимов. Во все последнее время Разумихин имел вид твердо решившегося человека. Дуня верила слепо, что он выполнит все свои намерения, да и не могла не верить: в этом человеке виднелась железная воля. Между прочим, он стал опять слушать университетские лекции, чтобы кончить курс. У них обоих составлялись поминутные планы будущего; оба твердо рассчитывали чрез пять лет наверное переселиться в Сибирь. До той же поры надеялись там на Соню...”

МАТЬ РАСКОЛЬНИКОВА

- Еще в начале процесса мать Раскольникова сделалась больна ... Болезнь Пульхерии Александровны была какая-то странная, нервная и сопровождалась чем-то вроде помешательства, если не совершенно, то, по крайней мере, отчасти. Дуня, воротившись с последнего свидания с братом, застала мать уже совсем больною, **в жару и в бреде**... Их поразило, что ни об чем об этом сама Пульхерия Александровна ни тогда, ни потом не спрашивала. Напротив, у ней **у самой оказалась целая история о внезапном отъезде сына**; она со слезами рассказывала, как он приходил к ней прощаться; давала при этом знать намекам, что только ей одной известны многие весьма важные и таинственные обстоятельства и что у Роди много весьма сильных врагов, так что ему надо даже скрываться. Что же касается до будущей карьеры его, то она тоже казалась ей несомненною и блестящею, когда пройдут некоторые враждебные обстоятельства; уверяла Разумихина, что сын ее будет со временем даже человеком государственным, что доказывает его статья и его блестящий литературный талант. Статью эту она читала непрерывно, читала иногда даже вслух, чуть не спала вместе с нею, а все-таки, где именно находится теперь Родя, почти не спрашивала, несмотря даже на то, что с нею видимо избегали об этом разговаривать, - что уже одно могло возбудить ее мнительность. Стали, наконец, бояться этого странного молчания Пульхерии Александровны насчет некоторых пунктов. **Она, например, даже не жаловалась на то, что от него нет писем, тогда как прежде, живя в своем городке, только и жила одною надеждой и одним ожиданием получить поскорее письмо от возлюбленного Роди.** Последнее обстоятельство было уж слишком необъяснимо и сильно беспокоило Дуню; ей приходила мысль, что мать, пожалуй, предчувствует что-нибудь ужасное в судьбе сына и боится спрашивать, чтобы не узнать **чего-нибудь еще ужаснее**. Во всяком случае, Дуня ясно видела, что Пульхерия Александровна **не в здравом состоянии рассудка**.

МАТЬ РАСКОЛЬНИКОВА

- Наконец беспокойство ее возросло до крайних пределов. Она иногда вдруг начинала плакать, часто заболела и в жару бредила. Однажды, поутру, она объявила прямо, что по ее расчетам скоро должен прибыть Родя, что она помнит, как он, прощаясь с нею, сам упоминал, что именно через девять месяцев надо ожидать его. Стала все прибирать в квартире и готовиться к встрече, стала отделять назначавшуюся ему комнату (свою собственную), очищать мебель, мыть и надевать новые занавески и прочее. Дуня встревожилась, но молчала и даже помогала ей устраивать комнату в приеме брата. После тревожного дня, проведенного в непрерывных фантазиях, в радостных грезах и слезах, в ночь она заболела и наутро была уже в жару и в бреду. Открылась горячка. Через две недели она умерла. В бреду вырывались у ней слова, по которым можно было заключить, что она гораздо более подозревала в ужасной судьбе сына, чем даже предполагали.

РОДИОН РАСКОЛЬНИКОВ

- Соня непрерывно сообщала, что он **постоянно угрюм, несловоохотлив и даже почти нисколько не интересуется известиями**, которые она ему сообщает каждый раз из получаемых ею писем; он спрашивает иногда о матери; и когда она, видя, что он уже предугадывает истину, сообщила ему наконец об ее смерти, **то, к удивлению ее, даже и известие о смерти матери на него как бы не очень сильно подействовало**, по крайней мере так показалось ей с наружного вида. Она сообщала, между прочим, что, несмотря на то, что он, по-видимому, **так углублен в самого себя и ото всех как бы заперся**, - к новой жизни своей он отнесся очень прямо и просто; что он ясно понимает свое положение, **не ожидает вблизи ничего лучшего, не имеет никаких легкомысленных надежд и ничему почти не удивляется среди новой окружающей его обстановки**, так мало похожей на что-нибудь прежнее. Сообщила она, что здоровье его удовлетворительно. **Он ходит на работы, от которых не уклоняется и на которые не напрашивается. К пище почти равнодушен, но что эта пища, кроме воскресных и праздничных дней, так дурна, что наконец он с охотой принял от нее**;... что он **спит на нарах, подстилая под себя войлок, и другого ничего не хочет себе устроить**. Но что живет он так грубо и бедно вовсе не по какому-нибудь предвзятому плану или намерению, а так просто от невнимания и наружного равнодушия к своей судьбе. Соня прямо писала, что он, особенно вначале, не только не интересовался ее посещениями, но даже почти досадовал на нее, был несловоохотлив и даже груб с нею, но что под конец эти свидания обратились у него в привычку и даже чуть не в потребность, так что он очень даже тосковал, когда она несколько дней была больна и не могла посещать его.. он всех чуждается, что в остроге каторжные его не полюбили; что он молчит по целым дням и становится очень бледен. Вдруг, в последнем письме, Соня написала, что он заболел весьма серьезно и лежит в госпитале, в арестантской палате...

ОТСТУПЛЕНИЕ АВТОРА ИЛИ “БОЛЕЗНЬ” РАСКОЛЬНИКОВА

- Он был болен уже давно; но не ужасы каторжной жизни, не работы, не пища, не бритая голова, не лоскутное платье сломили его: о! что ему было до всех этих мук и истязаний! Напротив, он даже рад был работе: измучившись на работе физически, он по крайней мере добывал себе несколько часов спокойного сна. И что значила для него пища - эти пустые щи с тараканами? Студентом, во время прежней жизни, он часто и того не имел. Платье его было тепло и приспособлено к его образу жизни. Кандалов он даже на себе не чувствовал. Стыдиться ли ему было своей бритой головы и половинчатой куртки? Но пред кем? Пред Соней? Соня боялась его, и пред нею ли было ему стыдиться? А что же? Он стыдился даже и пред Соней, которую мучил за это своим презрительным и грубым обращением. Но не бритой головы и кандалов он стыдился: его гордость сильно была уязвлена; он и заболел от уязвленной гордости. О, как бы счастлив он был, если бы мог сам обвинить себя! Он бы снес тогда все, даже стыд и позор. Но он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого промаху, который со всяким мог случиться. Он стыдился именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадежно, глухо и глупо, по какому-то приговору слепой судьбы, и должен смириться и покориться пред "бессмыслицей" какого-то приговора, если хочет сколько-нибудь успокоить себя. Тревога беспредметная и бесцельная в настоящем, а в будущем одна непрерывная жертва, которую ничего не приобреталось, - вот что предстояло ему на свете. И что в том, что чрез восемь лет ему будет только тридцать два года и можно снова начать еще жить! **Зачем ему жить? Что иметь в виду? К чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но он тысячу раз и прежде готов был отдать свое существование за идею, за надежду, даже за фантазию.** Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего. Может быть, по одной только силе своих желаний он и счел себя тогда человеком, которому более разрешено, чем другому. И хотя бы судьба послала ему раскаяние - гжучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы - ведь это тоже жизнь. **Но он не раскаивался в своем преступлении.** По крайней мере, он мог бы злиться на свою глупость, как и злился он прежде на безобразные и глупейшие действия свои, которые довели его до острога. Но теперь, уже в остроге, на свободе, он вновь обсудил и обдумал все прежние свои поступки и совсем не нашел их так глупыми и безобразными, как казались они ему в то роковое время, прежде.

МЫСЛИ РАСКОЛЬНИКОВА

- "Чем, чем, - думал он, - моя мысль была глупее других мыслей и теорий, роящихся и сталкивающихся одна с другой на свете, с тех пор как этот свет стоит? Стоит только посмотреть на дело совершенно независимым, широким и избавленным от обыденных влияний взглядом, и тогда, конечно, моя мысль окажется вовсе не так... странною. О отрицатели и мудрецы в пяточок серебра, зачем вы останавливаетесь на полдороге! Ну чем мой поступок кажется им так безобразен? - говорил он себе. - Тем, что он - злодеяние? Что значит слово "злодеяние"? Совесть моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно! Конечно, в таком случае даже многие **благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами ее захватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах. Но те люди вынесли свои шаги, и потому они правы, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг**".
- Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною.
- Он страдал тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил? Зачем он стоял тогда над рекой и предпочел явку с повинною? Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его? Одолел же Свидригайлов, боявшийся смерти? Он с мучением задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уж и тогда когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего **воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь**.

БОЖЬЕ НАЧАЛО СОНИ И РОДИОНА

- Он никогда не говорил с ними о боге и о вере, но они **хотели убить его, как безбожника**; он молчал и не возражал им. Один каторжный бросился было на него в решительном исступлении; Раскольников ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула. Конвойный успел вовремя стать между ним и убийцей - не то пролилась бы кровь.
- Неразрешим был для него еще один вопрос: **почему все они так полюбили Соню?** Она у них не заискивала; встречали они ее редко, иногда только на работах, когда она приходила на одну минутку, чтобы повидать его. А между тем все уже знали ее, знали и то, что она за ним последовала, знали, как она живет, где живет. Денег она им не давала, особенных услуг не оказывала. Раз только, на рождестве, принесла она на весь острог подаяние: пирогов и калачей. Но мало-помалу между ними и Соней завязались некоторые более близкие отношения: она писала им письма к их родным и отправляла их на почту. Их родственники и родственницы, приезжавшие в город, оставляли, по указанию их, в руках Сони вещи для них и даже деньги. Жены их и любовницы знали ее и ходили к ней. И когда она являлась на работах, приходя к Раскольникову, или встречалась с партией арестантов, идущих на работы, - **все снимали шапки, все кланялись: "Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!"** - говорили эти грубые, клейменные каторжные этому маленькому и худенькому созданию. Она улыбалась и откланивалась, и все они любили, когда она им улыбалась. Они любили даже ее походку, оборачивались посмотреть ей вслед, как она идет, и хвалили ее; хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже уж не знали, за что похвалить. К ней даже ходили лечиться.

СОН РАСКОЛЬНИКВА

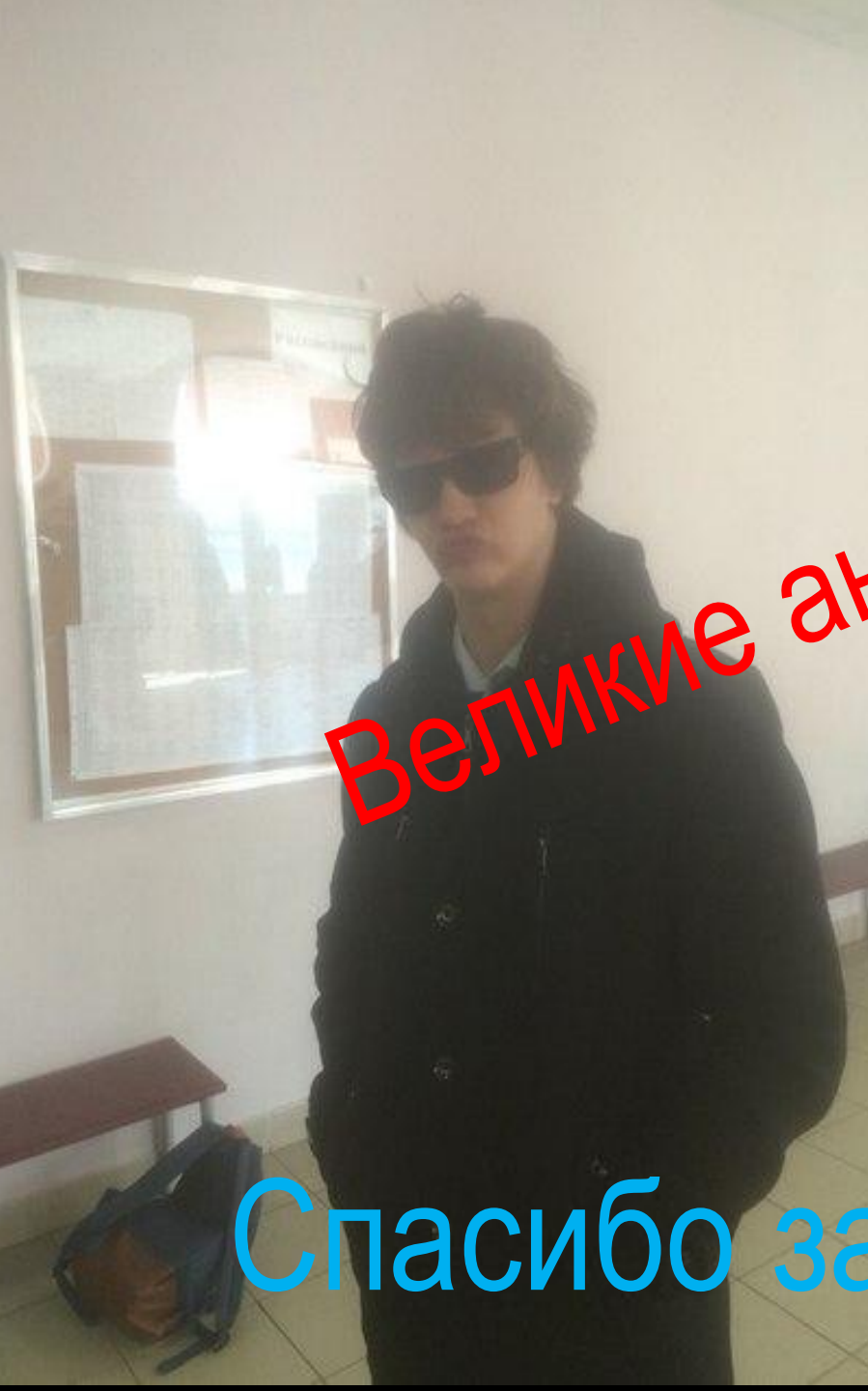
- Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, - но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.

НАМЕК НА ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

- Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же, наконец, эта минута...
Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она - она ведь и жила только одною его жизнью!
Он думал об ней. Он вспомнил, как он постоянно ее мучил и терзал ее сердце; вспомнил ее бедное, худенькое личико, но его почти и не мучили теперь эти воспоминания: он знал, какую бесконечную любовь искупит он теперь все ее страдания.
Да и что такое эти все, все муки прошлого! Все, даже преступление его, даже приговор и ссылка, казались ему теперь, в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом. Он, впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью; да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое.
Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: "Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере..."

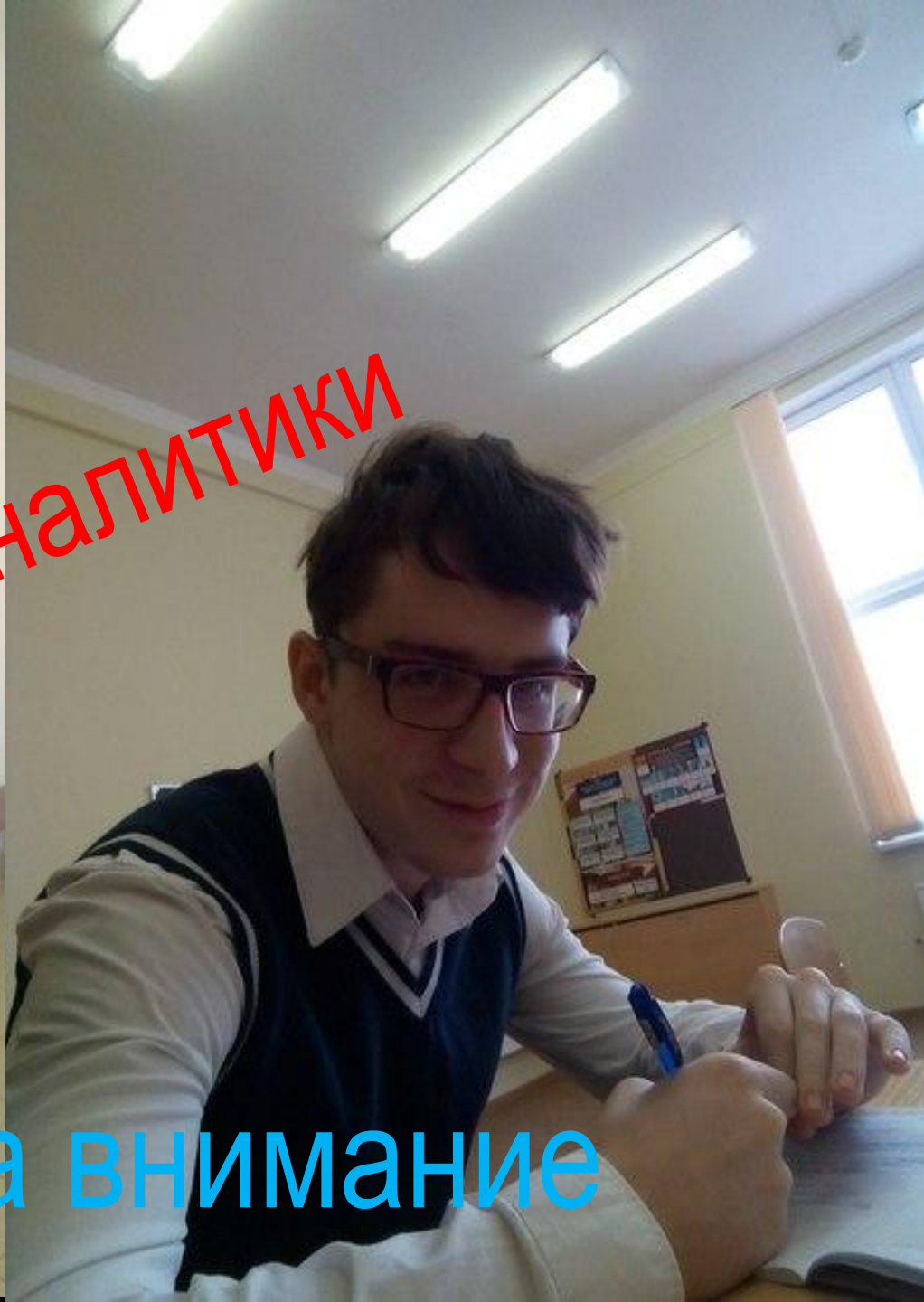
НАДЕЖДА НА СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

- Семь лет, только семь лет! В начале своего счастья, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней. Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...
- Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неизвестной действительностью. Это могло бы составить тему нового рассказа, - но теперешний рассказ наш окончен.

Великие аналитики

Спасибо за внимание

ИСТОЧНИКИ

- Источник: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/proza/prestuplenie/prestuplenie-i-nakazanie-e-pilog.htm>
«Преступление и наказание» — российский 8-серийный телевизионный фильм по роману